

18+

СОСЕД.
БОСС.
ВРАГ.

Виктория Линдберг

Витта Линберг

Сосед. Босс. Враг.

<https://litres.ru/73800647>

SelfPub; 2026

Аннотация

Холодный. Наглый. Самоуверенный.

Мы с ним ненавидим друг друга с первой встречи.

И всё бы ничего, если бы однажды я не поняла, что мой невыносимый сосед и мой главный враг на работе — один и тот же мужчина.

А теперь представьте:

- ночные войны через стену
- рабочие скандалы на совещаниях
- случайная командировка
- один номер на двоих
- и очень опасное притяжение

Потому что иногда мужчина, которого хочется придушить вдруг становится тем, без кого невозможно дышать.

Содержание

Глава 1. Шесть ноль-ноль — это личное	4
Глава 2. 22 минуты	8
Глава 3. Эскалация, или Ночной дозор по-соседски	13
Глава 4. Швабры и потолок	20
Глава 5. Лифт и теория вероятности, или Первый раунд личной встречи	24
Глава 6	33
Глава 7. Добро пожаловать в ад	40
Глава 8. Проверка боем	44
Глава 9	50
Глава 10. Шкаф	56
Глава 11. Сидеть рядом — это пытка	63
Глава 12. Коридор	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Витта Линберг

Сосед. Босс. Враг.

Глава 1. Шесть ноль- ноль — это личное

Знаете, в чем главная подлость вдохновения? В том, что ему абсолютно плевать на человеческие потребности вроде сна, еды и элементарного комфорта. Это капризная, эгоистичная и совершенно неадекватная тварь, которая является, когда ей вздумается.

Вот, например, сейчас. На часах — начало третьего ночи. Я, Марина Романовская, 26-летний креативный гений (скромность, конечно, украшает, но не в моем случае), уже почти провалилась в спасительный сон. И тут — БАХ! — словно молния ударила прямо между глаз.

Фраза. Четкая. Жесткая. Идеальная.

Я села в кровати так резко, что мои непослушные кудри, которые днем еще как-то можно выдать за творческий беспорядок, а ночью они превращаются в воронье гнездо, закрыли мне обзор на мир.

— Да ладно... — сипло прошептала я в темноту, все еще надеясь, что это просто слуховые галлюцинации от недосы-

па.

Но фраза не исчезла. Наоборот, она разгоралась, обрастая картинками, смыслами, идеальным визуалом. Слоган для нового жилищного комплекса. Тот самый случай, когда говоришь не «нормально» и даже не «хорошо», а — «Ешьте, не обляпайтесь, конкуренты».

Я метнулась к ноутбуку, забыв надеть тапки. Холодный пол взбодрил не хуже пощечины. Экран осветил комнату, и я, откинув с лица надоевшие кудри нетерпеливым движением, впила пальцами в клавиатуру. Пальцы забегали, будто играли лихое соло на фортепиано, выстукивая судьбу рекламной кампании. Концепция выстраивалась сама собой, как по нотам: сильный визуал, дерзкий посыл, минимальный бюджет и сногшибательный эффект.

— Съешьте это, любители сокращать расходы, — довольно пробормотала я, чувствуя себя снайпером, который только что снял цель с километра.

В 03:31 я, наконец, откинулась на подушки, перечитала написанное и позволила себе блаженно улыбнуться. Внутри разливалось теплое, густое удовлетворение. Ради таких моментов я и живу. Ради превращения хаоса в голове в стройную систему, за которую мне заплатят деньги и, возможно, даже скажут «спасибо».

Но, как говорится, не все йогурты одинаково полезны. А в моем случае — не все ночи одинаково коротки.

В 06:00 меня убили.

Не фигурально, а почти буквально. Грохотом.

Сначала я подумала, что мне снится кошмар про роту солдат, которая решила промаршировать прямо по моей голове. БАМ! — словно уронили шкаф, доверху набитый гантелями и злобой. Я подскочила, дико хлопая глазами. Сердце колотилось где-то в горле.

Тишина. А затем — шаги. Тяжелые, ритмичные, не терпящие возражений. Топ-топ-топ. Надо мной.

— Нет, — простонала я в подушку. — Пожалуйста, нет. Это просто сон.

БАМ! На этот раз с отчетливым металлическим лязгом, от которого у меня заныли зубы.

Я села в кровати. На моем лице, если бы у меня был цветовой индикатор настроения, горела табличка «Опасно для жизни». Кто-то наверху, видимо, решил, что шесть утра субботы — идеальное время для покорения спортивных вершин. Судя по звуку, он не просто занимался, а брал Олимпийский рекорд по прыжкам в высоту с гантелями в руках.

Сверху раздался мерный топот. Он бегал. По моему потолку. По моей голове. По моим израненным творческим амбициям.

— Ты серьезно? — хрипло спросила я у побеленной поверхности.

Ответом был очередной удар.

Я перевела взгляд на часы. 06:07. Я легла в 03:31. Разница была катастрофической. Я почти физически ощущала, как

мои силы и желание жить утекают сквозь матрас вместе с топотом чужих кроссовок.

Потом зашумела вода. Душ. Интенсивный, с мощным напором. Он смывал с себя грехи, а заодно и последние остатки моего сна.

У меня от злости зачесались зубы.

Я переехала в эту квартиру неделю назад. Светлую, уютную, с идеальной кухней и тихими соседями, как мне обещали. Я выбирала ее, представляя, как буду здесь счастливой, успешной и выспавшейся. Про соседа сверху, человека-режим, человека-шесть-ноль-ноль, в объявлении, естественно, ни слова не написали. Иначе я бы попросила скидку за моральный ущерб.

Вода стихла. Шаги стихли. Хлопнула дверь. Тишина. Я выдохнула, рухнула обратно на подушку и закрыла глаза. В голове уже начало формироваться спасительное забытие, как вдруг...

Сверху что-то протащили по полу. Длинное, тяжелое и, кажется, с чувством собственного превосходства. Медленно, со скрежетом, от которого у меня свело скулы.

Я села окончательно.

— Все, — объявила я пустоте. — Это война.

Глава 2. 22 минуты

В моем мире есть два типа людей: те, кто уважает чужой сон, и враги народа. Сосед сверху только что записался во вторые.

Я накинула футболку и поплелась на кухню варить кофе. Кофе в шесть утра — это против всех моих принципов, но сегодня принципы были растоптаны, разорваны и сожжены на алтаре спортивного режима. Пока вода закипала, я буравила взглядом потолок, пытаясь сквозь бетон разглядеть врага.

Кто ты, воин тьмы? Военный в отставке, которому не спится? Фитнес-маньяк, готовящийся к «Кросфит Играм»? Или просто человек без личной жизни, которому больше нечем заняться в субботу утром?

Я поставила кружку с дымящимся кофе на стол и поняла главное: если я промолчу сегодня, завтра он принесет перфоратор. А послезавтра решит учиться играть на ударной установке. Нет. Марина Романовская не терпит. Марина Романовская действует.

Я нашла блокнот, вырвала лист и красивым, каллиграфическим почерком (спасибо бабушке-учительнице!) вывела: «Уважаемый сосед сверху».

Фитнес в 6:00 — это не дисциплина. Это агрессия.

С уважением, человек, который работает по ночам».

Перечитала. Вышло сухо и официально. Как заявление в ЖЭК. Не хватало души.

Я дописала жирным маркером постскрипту:

«P.S. Если вы готовитесь к Олимпиаде — я готова потерпеть. Но учтите, я буду болеть за ваших конкурентов».

Довольная собой, я накинула кроссовки прямо на босу ногу, выскользнула в подъезд и поднялась на этаж выше. Дверь напротив моей была новой, чистой, без единого намека на коврик или венки на дверях. Стерильно. Как операционная. Или как казарма. Я приклеила записку скотчем и с чувством выполненного долга вернулась в свое логово.

Ждать пришлось недолго. Минут через двадцать на лестнице раздались шаги. Медленные, тяжелые, уверенные. Он возвращался.

Сердце предательски екнуло. Я замерла посреди комнаты, прислушиваясь. Шуршание бумаги. Пауза. Тишина. А потом — шаги вниз. Тук. Тук. Тук. Они становились все ближе и замерли у моей двери.

Я застыла. Ну уж нет. Мы так не договаривались! Это была письменная дискуссия, а не личная встреча!

Я на цыпочках подкралась к двери и прислонилась к ней ухом. Тишина. Такая напряженная, что, казалось, звенит. Потом снова шаги — удаляющиеся.

Я выждала для приличия минуту и приоткрыла дверь. На

полу, как белый флаг, лежал сложенный вдвое лист. Мой лист.

Я подняла его, чувствуя себя партизанкой, перехватившей вражескую шифровку. Почерк был ровный, четкий, почти печатный. Без единой завитушки или помарки.

«Уважаемая соседка снизу. Моя тренировка длится 22 минуты. Ваша музыка вчера — 43.

Предлагаю взаимное уважение».

Я тупо уставилась на цифры. Двадцать две минуты? Он засекал. Он сидел с секундомером и считал, сколько я мучила его своей музыкой?! Я вспомнила вчерашний вечер. Да, я тестировала презентационный ролик для одного клиента. Там был очень драйвовый трек. Я его включила на полную, чтобы прочувствовать. Раз пять, наверное. Или шесть. Но это же искусство! Это нельзя мерить минутами!

Я закусила губу, сдерживая истерический смех из смеха и злости.

Ах так? Ты хочешь математики, сосед? Хорошо, будет тебе математика. Я зашла обратно в квартиру, нашла ручку и размашисто дописала внизу его же послания:

«Разница в том, что я создаю будущее маркетинга, а вы — шум. 22 минуты топота против 43 минут шедевра. Чувствуете разницу?»

Я снова поднялась к его двери и, стараясь дышать бесшумно, положила лист на пол.

Через десять минут — снова шаги. Сердце опять ушло в пятки. Шуршание. Он взял бумагу. Тишина. Минута, вторая... Я уже начала думать, что он сдался, когда под дверью снова зашуршало.

Новый лист. Все тот же безупречный почерк:

«Эффективность не измеряется децибелами. И да, 6:00 — оптимальное время для продуктивности. Доброе утро».

Я расхохоталась в голос. Ну кто ты такой, загадочный мистер Продуктивность?! Киборг? Учитель физкультуры на пенсии? Человек, который никогда не знал радости творческого беспорядка?

Ответа, конечно, не последовало. Но я уже поняла главное: это не просто сосед. Это враг, достойный моего пера. Человек, который привык все контролировать: время, шаги, децибелы и, кажется, саму ткань реальности. И он, судя по тону, не собирался уступать ни миллиметра своей идеально выверенной территории.

Я прислонилась спиной к прохладной двери и глупо улыбнулась. Внутри загорелся азартный огонек.

Что ж, отлично. Просто замечательно.

Я не знаю, сколько ему лет, как он выглядит и есть ли у него душа. Но если он думает, что сможет выстроить мой режим через потолок и эти дурацкие записочки, значит, он просто не знает Марину Романовскую.

Я посмотрела на часы. 08:12. До презентации еще куча времени.

Я встала, решительным шагом направилась в душ и, с наслаждением включая воду погорячее, громко объявила, глядя в побеленный потолок:

— Посмотрим, кто кого, сосед. Доброе утро.

Потолок, конечно, промолчал. Но я готова поклясться, что он вздрогнул.

И это было только начало нашей великой войны, имя которой — «Шесть ноль-ноль — это личное».

Глава 3. Эскалация, или Ночной дозор по-соседски

Войны не начинаются внезапно.

Это вам не щелчок выключателя и не хлопок дверью. Войны начинаются с принципа. С той самой внутренней точки невозврата, когда ты говоришь себе: «Нет. Это я проглотить не готова».

Мой принцип был кристально чист, как слеза младенца: если какой-то незнакомый мне человек позволяет себе бегать в кроссовках по моему потолку в шесть утра субботы, то он автоматически теряет право голоса в вопросах моего музыкального вкуса в любое время суток. Любое. Я подчёркиваю.

Весь день я вела себя как примерная соседка. Честное слово, я даже ходила на цыпочках, прислушиваясь, не раздастся ли сверху очередной забег. Но сверху было тихо. Подозрительно тихо. Как в разведке.

День, кстати, выдался удачным. Презентация для застройщика — того самого, с жилым комплексом «Счастье в квадратных метрах» — прошла как по маслу. Концепцию приняли. Да, с правками, да, коммерческий директор морщился, как будто лимон без сахара ел, но в конце выдавил из себя

короткое «неплохо, Марина». В нашем девелоперском мире это приравнивается к орденам стоя и пожизненному ордену «За заслуги перед бюджетом».

Я вернулась домой около одиннадцати. Уставшая, но жутко довольная собой. Настроение было такое, что хотелось творить. Или хотя бы доделать визуализацию рекламы для новых фасадов под хорошую музыку.

Я включила плейлист.

Не на максимум, нет. Я же цивилизованный человек. Но и не на том уровне, который годится разве что для библиотеки или монастырской кельи. Мне нужен был бас. Ритм. Драйв. Чтобы каждый щелчок мыши отзывался в такт.

Я расставляла акценты на рендерах, подбирала оттенки, и время летело незаметно. 00:38. Я даже не сразу заметила, что за окном уже ночь.

Сверху — тишина.

Мне это показалось подозрительным. Неужели человек-режим сдался? Признал мою творческую гегемонию? Я почти разочаровалась.

А зря.

В 00:57 случилось оно.

Жужжание.

Сначала тихое, будто назойливый комар решил напомнить о себе. Потом громче. И ещё громче. Ровное, методичное, безжалостное.

Я замерла с мышкой в руке, не веря своим ушам.

Пылесос.

В ноль часов пятьдесят семь минут ночи.

Кто-то наверху, видимо, решил, что идеальное время для генеральной уборки — это глубокая ночь.

Я медленно подняла голову к потолку. В моём взгляде, если бы он мог проходить сквозь бетон, сейчас прожигалась дыра.

— Ты серьёзно? — прошептала я в пространство. — Ты... пылесосишь?

Жужжание усилилось. Он пылесосил с чувством, с толком, с расстановкой. Как человек, который не просто наводит порядок, а выполняет боевую задачу. Я слышала, как он двигает мебель. Как возит трубой по плинтусам. Как наслаждается процессом.

Я убавила музыку.

Пылесос стал громче, будто издеваясь.

Я выключила музыку совсем.

Пылесос продолжал жужжать. Минута. Две. Пять.

Это была не уборка. Это была демонстрация. Ответный удар.

Я встала. Внутри закипала та самая праведная злость, которая двигала героинями фильмов про восстания. Я накинула худи поверх футболки, сунула ноги в кроссовки и бесшумно, как ниндзя, выскользнула в подъезд.

Поднялась на этаж выше.

Дверь всё та же. Чистая, стерильная, безликая. Ни коври-

ка, ни веночка, ни наклейки «Осторожно, злой сосед». Как будто там живёт не человек, а бездушная программа по поддержанию порядка. Инструкция по эксплуатации в человеческом обличье.

Я достала из кармана листок и ручку. Прислонив бумагу к стене, вывела:

«Пылесос в 00:57 — это новый способ переговоров? Если да, предупреждаю: я быстро учусь. Следующий шаг — барабанная установка.»

Приклеила записку скотчем и быстро, пока он не открыл дверь, спустилась обратно.

Сердце колотилось где-то в горле. Прошла минута. Пылесос затих. Шаги. Лёгкие, почти неслышные. Шуршание бумаги.

Я затаила дыхание. Пауза.

А потом под мою дверь скользнул белый прямоугольник.

Я подождала, пока шаги стихнут, и только тогда подняла лист.

Почерк всё тот же — каллиграфический, без единой пометки.

«Музыка в 00:38 — это приглашение к диалогу? Я предпочитаю конструктив.»

Я усмехнулась.

Конструктив. Он сказал «конструктив».

Я прикусила губу, сдерживая рвущийся наружу смех, и быстро нацарапала ответ:

«Конструктив — это не будить людей в 6:00 и не устраивать ночные уборки. Или у вас по расписанию и это?»

Отнесла. Вернулась. Ждала.

Ответ пришёл быстро. Он явно держал бумагу и ручку наготове, как снайпер — винтовку.

«Закон разрешает шум до 23:00. Вы начали в 23:30. Я всего лишь восстановил баланс.»

Я фыркнула так громко, что, наверное, было слышно наверху.

О, так мы теперь в юристов играем? Букву закона цитируем?

Я написала:

«А мораль? У неё тоже есть временные рамки? Или вы включаете её по расписанию, как пылесос?»

На этот раз пауза затянулась. Минута. Две. Пять.

Я даже успела подумать, что перегнула палку. Может, он обиделся. Может, у него действительно нет чувства юмора, и он сейчас спустится и прочтёт мне лекцию о правилах общежития.

Но ответ пришёл.

«Сегодня вы хотя бы выключили музыку до трёх. Прогресс.»

Я вытаращилась на листок.

Прогресс? Он сказал «прогресс»?

Я забежала в квартиру, нацарапала ответ и через минуту уже клеила ему на дверь:

«Сегодня вы включили пылесос всего один раз. Я тоже вами горжусь.»

Вернулась, легла на диван, уставилась в потолок.

Через десять минут — новый шорох под дверью.

«Вы вообще когда-нибудь спите?»

Я улыбнулась в темноте. Вот это уже интереснее. Личное.

«А вы? Или вы робот, питающийся раздражением соседей?»

Ответ пришёл быстро. Он явно сидел и ждал.

«Не робот. Просто бессонница. А вы — отличное развлечение.»

Развлечение.

Я закусила губу.

Сосед сверху только что назвал меня развлечением.

В час ночи.

Это ничего не значит. Совсем ничего.

Я написала:

«Рада, что мои страдания вас развлекают. Приятных снов, мистер Пылесос.»

Ответ:

«И вам не мучиться, мисс Полночный Джаз.»

Я улыбнулась и выключила свет.

Засыпая, я слышала, как надо мной кто-то ходит — тихо, почти неслышно.

Он тоже не спал.

Утром я проснулась от тишины.

Ни гантелей, ни топота, ни душа. Шесть утра прошло в абсолютном, неестественном безмолвии.

Я полежала, прислушиваясь. Потом встала, вышла в подъезд.

На моей двери висел новый листок.

«Сегодня тихо. Вы живы?»

Я хмыкнула.

Жив, значит, интересуется.

Я взяла ручку и вывела прямо под его строчками:

«Не дождётесь.»

Приклеила обратно ему на дверь и вернулась в квартиру.

Ответ пришёл через минуту. Он явно караулил.

«Жаль.»

Я замерла.

Жаль?

Жаль, что не дождётся? Или жаль, что жива?

Я вглядывалась в его ровный, каллиграфический почерк и пыталась понять, шутит он или нет.

Сверху раздался тихий смех.

Один раз. Короткий. Приглушённый.

Но я его слышала.

Он смеялся.

Сосед-робот, человек-режим, мистер Дисциплина — смеялся надо мной.

Я задрала голову к потолку и прошептала:

— Ну всё, сосед. Ты напросился.

Глава 4. Швабры и потолок

Вечер следующего дня меня встретил спокойствием и тишиной в квартире. И вдруг сверху раздался глухой стук. Будто что-то уронили. Не гантеля. Не пылесос. Что-то другое — может быть, книга. Или, может быть, он тоже смеялся?

Впервые за все это время я попыталась его представить.

Высокий? Наверняка. Спортивный — судя по утренним пробежкам. Собранный, подтянутый, с идеально заправленной рубашкой и, подозреваю, с блокнотом для записей у кровати. Серьезный. Слишком серьезный. Слишком правильный. Слишком... идеальный?

Я тряхнула головой, отгоняя глупые мысли.

Неважно, как он выглядит. Важно, что он — вызов. А я, Марина Романовская, никогда не отступала перед вызовами.

Я взяла новый лист. Решила сменить тактику.

«Хорошо. Предлагаю перемирие. Вы не шумите до 8:00. Я — после 23:00. Все остальное — по договоренности. Как вам такой конструктив?»

Поднялась. Приклеила. Вернулась.

Ждать пришлось долго. Минут десять, не меньше. Я уже начала нервничать — то ли обиделся, то ли уснул, то ли пишет многотомный ответ с юридическими обоснованиями.

Но ответ пришел.

«Перемирие возможно при соблюдении условий:

Без сабвуфера.

Без швабры по потолку.

Без сарказма в письменной форме».

Я уставилась на третий пункт.

— Ах ты... — выдохнула я.

Без сарказма? То есть он предлагает мне общаться без сарказма? Мне? Человеку, у которого сарказм — второй родной язык, а ирония — третий?

Я вспомнила, что шваброй по потолку я, кстати, не стучала. Пока. Но идея мне понравилась. Взяла на заметку.

Я медленно, с чувством, с расстановкой вывела:

«Сарказм — часть моей личности. Вы предлагаете мне изменить характер? Это уже не перемирие. Это вмешательство в личное пространство».

Ответ пришел не сразу. Пауза была такой долгой, что я успела налить себе чай, сесть на диван и прокрутить в голове все возможные варианты — от «извините, я был неправ» до «съезжай, пока не поздно».

Но ответ оказался другим.

«Я предлагаю вам дисциплину. Это разные вещи».

Я замерла с кружкой в руке.

Дисциплину.

Слово повисло в воздухе, как грозовое облако. Оно прозвучало почти интимно. Почему-то от него по спине пробежали мурашки.

Я не знаю, почему меня это задело. Может, потому что

всю жизнь я доказывала, что креатив — это не хаос. Что творческие люди тоже могут быть организованными. Что мой рабочий стол — это не бардак, а «организованный беспорядок», как я это называла.

А может, потому что в агентстве сейчас как раз шли эти дурацкие разговоры об оптимизации. Об эффективности. О том, что «креатив должен быть измерим».

Я написала медленно, стараясь, чтобы буквы не дрожали: «Дисциплина без свободы — это тюрьма».

Ответ пришел почти мгновенно. Он тоже ждал. Он тоже не спал.

«Свобода без дисциплины — хаос. Выбирайте».

Я смотрела на листок и чувствовала, как между нами, разделенными бетонной плитой и двумя лестничными пролетами, протягивается невидимая нить.

Мы стояли по разные стороны двери. Два незнакомых человека. Два упрянца. И спорили уже не о пылесосах и не о музыке. Мы спорили о жизни. О принципах. О том, как правильно жить.

И это было... увлекательно. Чертовски увлекательно.

Я усмехнулась и написала:

«Тогда, мистер 6:00, предлагаю эксперимент. Посмотрим, кто из нас выживет дольше в условиях взаимного уважения. Или хотя бы в условиях временного перемирия».

Ответ пришел быстро и был коротким, как выстрел:

«Я встаю рано. У меня преимущество. Спокойной ночи,

соседка».

Я фыркнула, но предательская улыбка растянула губы.

Спокойной ночи. Он пожелал мне спокойной ночи.

Я выключила музыку. Было 00:52.

Сверху — тишина. Абсолютная, идеальная, как будто там никого и не было.

Я лежала в кровати и смотрела в потолок.

Под потолком висело напряжение. И какое-то новое, странное чувство, которому я пока не могла подобрать названия. Я поймала себя на мысли, что жду утра. Чтобы услышать его шаги. Чтобы понять — он сдержит слово.

Или завтра война разгорится с новой силой. И, кажется, я больше не была уверена, какой исход мне нужен.

Глава 5. Лифт и теория вероятности, или Первый раунд личной встречи

Я проснулась в 05:58.

И это само по себе было поражением.

Потому что в моём идеальном мире выходное утро начинается не раньше полудня, с обязательным ритуалом: перевернуться на другой бок, натянуть одеяло до ушей и провалиться обратно в блаженное небытие ещё часа на три. А потом долго пить кофе в кровати, листая ленту и никуда не торопясь.

Но мой мир больше мне не принадлежал.

Он принадлежал человеку сверху, его кроссовкам и его чёртовой дисциплине.

Я лежала в кровати, уставившись в потолок, и прислушивалась. В доме стояла та особенная утренняя тишина, когда даже холодильник гудит тише обычного, а за окном ещё не проснулись машины. Тишина была такой плотной, что её можно было резать ножом и намазывать на тосты.

05:59.

Я затаила дыхание, превратившись в один большой орган слуха. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь пульсом

в висках.

06:00.

Ничего.

Я приподнялась на локтях, вслушиваясь до звона в ушах. Ни гантелей, ни топота, ни душа, который обычно низвергался с его этажа с мощностью небольшой гидроэлектростанции.

06:04.

— Серьёзно? — прошептала я в пространство.

Он соблюдал перемирие.

Человек, который в первую нашу встречу замерил время моей музыки с точностью до минуты, человек, который пылесосил в знак протеста в ноль часов семь минут, человек, чьим вторым именем, судя по всему, было «Принцип» — этот человек взял и просто выполнил нашу договорённость.

Я должна была радоваться.

Я должна была праздновать победу дипломатии над варварством, разума над инстинктами, цивилизованного подхода над животным эгоизмом.

Вместо этого я чувствовала себя странно.

Будто боксёр, который неделю готовился к бою, гонял вес, отработывал удары, настроился на победу — а соперник не вышел на ринг. И ты стоишь в перчатках, разгорячённый, злой, полный адреналина, а тебе говорят: «Извините, сегодня боя не будет, соперник решил заняться йогой и самозерцанием».

— Вот ведь... — пробормотала я и перевернулась на спину, уставившись в потолок уже с другим выражением лица.

Потолок молчал. Он вообще в последнее время подозрительно много молчал.

Через десять минут я уже стояла перед зеркалом в ванной, собирая волосы в высокий хвост. Процесс требовал концентрации: кудри, как назло, вились в разные стороны, отказываясь подчиняться расчёске.

Сегодня был важный день. В агентстве намечалось совещание по оптимизации расходов, что на корпоративном языке означало одно: будут искать, кого можно сократить без ущерба для бизнеса. А поскольку маркетинг обычно считается статьёй расходов, а не инвестиций, мы с отделом чувствовали себя как овцы на бойне в ожидании ножа.

Я выбрала строгий костюм. Бежевый, минималистичный, с идеально выглаженными стрелками на брюках и пиджаком, который сидел как влитой. Макияж — скульптурирование, чтобы лицо выглядело старше и серьёзнее. Туфли — на каблуке, хоть и убийственном, но внушающем уважение.

В нашем агентстве свои законы джунглей: если ты выглядишь моложе своих двадцати шести, тебя непременно примут за стажёрку и будут снисходительно похлопывать по плечу. А я не для того пять лет пахала, вкалывала ночами, грызала проекты зубами и доказывала, что креатив — это не просто «ой, придумала красиво», чтобы сейчас какие-то дяди в дорогих костюмах решали, достойна ли я остаться в

команде.

— Дисциплина, значит... — пробормотала я, глядя на своё отражение и вспоминая вчерашнюю записку. — Посмотрим, кто кого, мистер Идеальный Порядок.

Я подмигнула себе, подхватила сумку и вышла.

В подъезде было тихо и светло. Лампочки горели ровным жёлтым светом, создавая обманчивое ощущение домашнего уюта. Я нажала кнопку лифта. Двери разъехались с лёгким шелестом, открывая кабину.

И я замерла.

Внутри уже стоял мужчина.

Высокий. Очень высокий — мне, даже на каблуках, пришлось бы задирать голову, чтобы посмотреть ему в глаза. В тёмном пальто, которое сидело на нём так, будто его не в магазине купили, а шили лично по индивидуальным меркам в мастерской. Рукава — идеально по запястью, ни миллиметра лишней длины. Часы — дорогие, но без дурацкой показухи, когда циферблат размером с блюдце кричит на весь автобус: «Посмотрите, сколько я стою, и завидуйте молча».

Взгляд спокойный. Внимательный.

Слишком внимательный для восьми утра, когда нормальные люди ещё не проснулись и смотрят на мир сквозь пелену недосыпа.

Он чуть кивнул, приветствуя. Движение было экономным, без лишних жестов — ровно настолько, чтобы соблюсти приличия, но не потратить лишней энергии.

— Доброе утро, — сказал он.

Голос ровный. Низкий. С той особенной бархатистой глубиной, от которой у некоторых барышень, наверное, подкашиваются коленки и сами собой возникают глупые мысли. Но я не некоторые барышни. У нас в агентстве такие голоса — раз плюнуть, особенно на переговорах с заказчиками, когда они пытаются давить авторитетом.

— Доброе, — ответила я коротко и шагнула в лифт.

Двери закрылись.

Лифт дрогнул и поехал вниз, отсчитывая этажи с мягким, убаюкивающим жужжанием.

Я смотрела на сменяющиеся цифры над дверью. Пятый... четвёртый... третий... Краем глаза, чисто автоматически, я изучала своего случайного попутчика. Профиль — отдельная песня. Чёткая линия лба, прямой нос, волевой подбородок с лёгкой ямочкой. Такие профили рисуют на античных монетах или чеканят на памятниках полководцам. Губы — тонковатые, но это даже хорошо, потому что пухлые губы на таком мужском лице смотрелись бы странно. Тёмные волосы, коротко стриженные, но не наголо — аккуратно, с достоинством. Никаких выбритых висков или молодёжных экспериментов. Всё строго, но при этом видно, что за волосами ухаживают — они блестят на утреннем солнце, уложены, но без фиксации, как будто, так и должно быть.

И тут в голову пришла мысль.

Теория вероятности.

Сколько процентов, что этот мужчина — тот самый сосед сверху? Тот, чьи записки уже неделю лежат у меня в ящике стола? Тот, кто пишет про дисциплину каллиграфическим почерком без единой пометки?

Дом немаленький. Два подъезда, по пятнадцать этажей в каждом, на каждой площадке по четыре квартиры. Математически шанс встретить именно своего соседа сверху в лифте в случайное утро — примерно один к... даже считать не хочу. Мизерный.

Но совпадение по времени. По тому, что он живёт явно выше. По этому дурацкому чувству, которое вдруг зашевелилось где-то под ложечкой, как будто внутренний радар уловил что-то знакомое.

Он слишком аккуратный. Слишком собранный. Слишком... идеальный для живого человека. И от него пахнет. Чисто, свежо, без агрессии. Какой-то сложный, дорогой аромат, в котором угадываются ноты бергамота, древесной коры и ещё чего-то неуловимого, что заставляет втягивать воздух глубже, чем хотелось бы.

Я мысленно дала себе подзатыльник.

— Ненавижу ранние подъёмы, — пробормотала я скорее себе, чем ему. Просто чтобы заполнить тишину, которая становилась какой-то слишком напряжённой.

— Это вопрос привычки, — спокойно ответил он.

Я внутренне напряглась.

— Или дисциплины, — добавил он.

Вот тут я замерла.

Слово.

То самое слово, которое он вчера написал в записке. Которое стало лейтмотивом всей нашей переписки. Медленно, стараясь не делать резких движений, я повернула голову и посмотрела на него в упор.

Чёткая линия подбородка, которую не скрывала даже лёгкая утренняя небритость. Сдержанная мимика — ни одной лишней эмоции на лице, ни намёка на улыбку или хотя бы вежливую заинтересованность. Глаза тёмные, внимательные, изучающие — они смотрели на меня с тем же холодным любопытством, с каким я, наверное, рассматривала его.

Не улыбается — но и не холодный. Просто... контролирует. Каждый мускул, каждое движение, каждое слово. Как человек, привыкший держать всё под контролем.

Слишком идеальный для того, кто пылесосит в 00:07.

Или — идеально подходящий?

— Вы всегда так философствуете по утрам? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и даже чуть насмешливо.

Он слегка приподнял бровь — движение было едва заметным, миллиметра на два, но я уловила. У меня вообще хорошая наблюдательность, профессиональное.

— Только если есть повод, — ответил он.

Лифт замедлил ход. На табло загорелась цифра «2». Лифт мягко остановился на первом этаже.

Двери открылись с тихим шипением.

Он вышел первым — естественно, так выходят мужчины, которых учили, что в лифт женщина заходит первой, а выходит последней, но при этом придерживать дверь и пропустить вперёд в других ситуациях. На секунду задержался, придерживая створку рукой в тёмной перчатке.

— Хорошего дня, — сказал он.

Я прошла мимо. Совсем близко — буквально в нескольких сантиметрах. Ветерок от движения донёс до меня его запах уже отчётливее. Чистый, спокойный, без сладости и тяжести. Что-то древесное, с оттенком морской свежести и едва уловимой пряностью. Я не разбираюсь в мужских ароматах, но этот вдруг захотелось вдохнуть глубже.

Опасный, вот какой. Опасный для спокойствия.

— Постараюсь выжить, — буркнула я и вышла в подъезд.

На улице я машинально обернулась. Он шёл к чёрной машине, припаркованной у обочины. И теперь, при дневном свете, я наконец смогла его как следует рассмотреть.

Высокий. Очень. Метр восемьдесят пять, наверное, а может, и все девяносто. Широкие плечи, которые идеально держат посадку пальто — не как у качков, которые перекачались и теперь ходят как шкафы, а естественно, спортивно.

Он шёл к чёрной машине, припаркованной у обочины. Автомобиль был такой же, как он сам — дорогой, но без показухи. Не навороченный спорткар и не представительский лимузин, а что-то среднее, солидное и уверенное в себе. Дви-

гался он спокойно, без суеты, но с той внутренней грацией, которая бывает у людей, привыкших, что мир под них подстраивается, а не наоборот.

Он или не он?

Если это он — то он слишком нормальный. Слишком человеческий. Таким не пишут записки про децибелы и баланс. Такие носят с собой обаяние и лёгкую улыбку, а не секундомер и блокнот для записей нарушений.

Если не он — то я только что устроила мысленный допрос невиновному человеку, приписав ему чужие грехи, и теперь чувствую себя законченной параноичкой, которая видит врагов в каждом случайном попутчике.

Я села в такси и поймала себя на том, что улыбаюсь.

Идиотская ситуация.

И почему я улыбаюсь?

Глава 6

День был адским. Таким адским, что даже вспоминать не хочется, но придётся, потому что это важно для понимания моего вечернего состояния.

В офисе с самого утра объявили, что в компанию вводят ту самую кризисную оптимизацию расходов. Это слово — «оптимизация» — в современном бизнесе звучит так же зловеще, как «уплотнение» в коммунальных квартирах советского времени. Никто не знает, что именно будут оптимизировать, но все подозревают, что первыми под нож пойдут именно маркетологи. Потому что, видите ли, «креатив сложно измерить в деньгах», а «пилить бюджет на производстве проще, когда понятны цифры».

В отделе повисло напряжение. Густое, липкое, как патока. Кто-то нервно шутил про «работу мечты, с которой не выгоняют, а оптимизируют», кто-то уже втихаря обновлял резюме на профильных сайтах, а наша секретарша Леночка, самый осведомлённый сотрудник во всём агентстве, шепнула мне в курилке, что «сокращать будут по-тихому, но сильно». И фамилии уже якобы есть в списке, но она, конечно, не скажет, потому что не сплетница.

Я смотрела на неё и думала, что если бы не сплетница, то откуда бы она знала про список.

К концу дня голова гудела, глаза слезились от монитора,

а внутри поселилась тяжёлая, вязкая тревога, которая не отпускала даже после третьей чашки кофе.

Я вернулась домой поздно. Часы показывали начало двенадцатого, за окном было темно, и только редкие окна в соседних домах горели жёлтым уютным светом.

В квартире было тихо и холодно. Я включила ноутбук, открыла презентацию по новому жилому комплексу — надо доделать визуализацию, чтобы завтра было чем крыть, если начнутся вопросы по эффективности моей работы. И в этот момент интернет исчез. Просто взял и исчез. Без предупреждения, без системной ошибки, без стандартного «произошёл сбой подключения».

Я моргнула.

Нажала F5. Потом ещё раз. Потом с силой, будто от этого что-то зависело. Ничего.

Проверила роутер. Лампочки горели ровным зелёным светом, как новогодняя гирлянда. Подключение к сети есть, сигнал отличный.

Интернета — нет.

— Только не это, — простонала я, откидываясь на спинку стула и закрывая глаза.

Перезагрузила роутер. Подождала положенную минуту. Пощёлкала пальцами в воздухе, как заклинание, призывающее высшие силы техники сжалиться над простым маркетингом.

Ноль.

Я достала телефон. Мобильная сеть работала отлично, даже YouTube грузился без задержек. Зашла в настройки, открыла список доступных Wi-Fi сетей.

Моя собственная сеть — «Marina_R» — была на месте, с отличным сигналом, но подключение к ней почему-то не давало доступа в интернет. Как будто кто-то перекрыл шлюз, но оставил табличку с названием.

И ещё одна сеть. Новая. «6_00_Это_Норма»

Я замерла.

Сначала я подумала, что мне показалось. Что глаза от усталости играют со мной злые шутки. Что такого просто не может быть, потому что не может быть никогда.

Я протёрла глаза и посмотрела снова.

«6_00_Это_Норма».

Сигнал — максимальный, все палочки горят. Значит, источник совсем близко. В пределах квартиры. Или этажом выше. Или у соседей слева.

Но судя по названию, источник был ровно один.

Я медленно выдохнула сквозь зубы.

— Ты серьёзно? — прошептала я в пространство. — Ты назвал свою Wi-Fi сеть в честь нашего конфликта?

Интернет по-прежнему не работал.

Я посидела минуту, собираясь с мыслями. Потом встала, накинула худи поверх футболки (потому что в подъезде всегда прохладно), сунула ноги в тапки — и только выйдя, ужаснулась: на тапках были мордочки зайцев. Розовые, с ушами

и глупыми глазами. Да и плевать! Поднялась на этаж выше. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь пульсом в висках. Остановилась перед знакомой дверью — чистой, строгой, без намёка на индивидуальность.

Постучала.

Тишина.

Я постучала ещё раз, настойчивее.

Шаги. Тяжёлые, уверенные, знакомые по утреннему топоту — только сейчас они звучали не надо мной, а рядом, за тонкой деревянной дверью.

Дверь открылась.

И передо мной стоял ОН.

Тот самый мужчина из лифта.

Спокойный. Собранный. В домашнем свитере — тёмно-сером, мягком на вид, из кашемира или чего-то подобного. Свитер делал его чуть менее идеальным и чуть более... живым. Домашним. Почти уютным.

Без улыбки.

С абсолютно нейтральным выражением лица, за которым, я чувствовала, скрывается целый океан мыслей.

— Да? — спросил он.

У меня внутри всё перевернулось.

Это он.

Я стояла перед ним, сжимая в руке телефон, на котором не работал интернет, и понимала, что обратного пути нет.

— У вас... интернет работает? — спросила я.

Шедеврально. Марина, ты гений коммуникации. Ты могла бы спросить что-то умное, например, «вы случайно не знаете, почему моя сеть вдруг перестала работать именно после того, как рядом появилась сеть с провокационным названием?». Но нет, ты спросила про интернет. Как последняя домохозяйка.

Он посмотрел на экран моего телефона. Потом на меня. В его глазах мелькнуло что-то — смешинка? Изумление? Узнавание? — но лицо осталось невозмутимым, как у статуи.

— Работает, — ответил он.

Пауза.

Его взгляд чуть задержался на моём лице, будто он тоже что-то вычислял, сопоставлял, анализировал.

— Проблемы?

Я прищурилась.

— А у вас нет привычки... вмешиваться в чужие сети?

Его бровь дрогнула — на этот раз заметнее, почти на полсантиметра.

— Я предпочитаю прямые переговоры, — ответил он.

Я смотрела на него и чувствовала, как между нами, на этой лестничной клетке, зазвенело напряжение. Тонкое, как паутинка, и прочное, как стальной трос. Воздух между нами, казалось, сгустился, стал почти осязаемым.

— Ясно, — сказала я как можно равнодушнее. — Тогда извините.

Я развернулась, собираясь уйти с достоинством, насколько это вообще возможно в ситуации, когда ты стоишь перед незнакомым мужчиной в тапках с зайцами, с дурацким вопросом и с чувством, что проиграла какую-то важную партию.

— Соседка.

Голос за спиной — низкий, спокойный, но с какой-то новой интонацией. Тёплая насмешка? Любопытство?

Я замерла, не оборачиваясь.

— Да?

— Пароль на роутере лучше не оставлять стандартным, — сказал он. — Это небезопасно.

Я медленно, очень медленно повернулась.

Он стоял в дверях, скрестив руки на груди. Свитер задрался на запястьях, открывая тонкую полоску кожи. На его губах — нет, не улыбка. Но что-то, очень на неё похожее. Лёгкое движение, которое делало его идеально выверенное, сдержанное лицо почти человеческим. Почти тёплым.

— Спасибо за заботу, — сказала я ледяным тоном, каким обычно разговариваю с наглыми заказчиками, которые просят «сделать подешевле, но чтоб выглядело как за миллион».

И гордо, насколько позволяли тапки, спустилась вниз.

Закрыла дверь.

Прислонилась к ней спиной и выдохнула так, будто пробежала стометровку.

Интернет вернулся через минуту. Сам. Без объяснений,

без перезагрузок, просто значок соединения загорелся, и всё заработало.

Я медленно сползла по двери на пол и уставилась в одну точку. Я открыла на телефоне список доступных сетей.

«6_00_Это_Норма» исчезла. Как не бывало. Растворилась в эфире, будто её и не было.

Сверху было тихо. Абсолютно, подозрительно, зловеще тихо.

Я подняла голову к потолку и впервые за всё время поняла: эта война перестаёт быть просто войной. Она становится опасно, смертельно, невероятно интересной. И, кажется, я только что проиграла первый раунд личной встречи. Но Марина Романовская так просто не сдаётся.

Я встала, отряхнула штаны, подошла к ноутбуку и включила музыку. Тихо. Фоном. Чтобы он знал: я здесь. Я помню. Я никуда не делась. И самое главное — я теперь знаю, как он выглядит. Знаю, что у него есть тёплые свитера и почти улыбка. Знаю, что он пахнет древесиной и морем.

Посмотрим, мистер «6:00 — это норма», кто кого.

Я выключила свет и легла в кровать.

Перед глазами всё ещё стояло его лицо — спокойное, сдержанное, с этой едва заметной усмешкой в углах губ.

— Чёрт, — прошептала я в темноту. — Кажется, я влипла.

Потолок молчал.

Но я готова поклясться, что надо мной кто-то не спал.

Глава 7. Добро пожаловать в ад

Если ад и существует — а я, прожив двадцать шесть лет в маркетинге, в этом почти не сомневаюсь, — то его ворота открываются фразой, которую наш генеральный директор проносит с утра пораньше, даже не дав нам допить кофе:

— Коллеги, с понедельника у нас новый кризис-менеджер.

Я даже не поднимаю головы от ноутбука.

Во-первых, у меня дедлайн по туристической кампании, и если я сейчас отвлекусь, то потеряю мысль, которую устраивала последние два часа. Во-вторых, кризис-менеджеры — это такая же неизбежность в жизни агентства, как смена сезонов или повышение цен на кофе в автомате. Они приходят, устраивают показательные выступления, сокращают пару человек для острастки, режут бюджеты, портят людям нервы и уходят через полгода, оставляя после себя запах переработанного воздуха и лёгкий пепел от сожжённых амбиций. Ритуал, не более.

— Его зовут Дмитрий Алексеевич, — продолжает генеральный тоном, каким обычно сообщают, что в семье ожидается пополнение.

Я машинально отмечаю, что имя мне ничего не говорит. Ну Дмитрий и Дмитрий. В Калининграде их тысячи. В биз-

нес-среде — сотни. Это ничего не значит.

— Он уже здесь. Прошу любить и жаловать.

И вот тут я поднимаю голову.

Потому что интонация у генерального какая-то... особенная. Смесь гордости и лёгкого испуга, как у человека, который привёл в дом тигра и теперь не уверен, что тигр будет есть только предложенный корм.

Дверь в переговорную открывается.

И я понимаю, что карма — это не просто смешное слово из инстаграмных цитат.

Карма — это сука с отличным чувством юмора.

Он входит спокойно.

Без суеты, без лишних движений, без той нарочитой уверенности, которой грешат многие новички, пытающиеся с порога доказать, кто тут главный.

Серый костюм — идеально сидящий, но без намёка на показушную дороговизну. Прямой взгляд, который почему-то невозможно поймать, но при этом кажется, что он видит всех одновременно. Походка человека, который не спрашивает разрешения — он просто идёт, а мир подстраивается.

Тот самый.

Из лифта.

Из вчерашнего вечера.

Из моих снов, чёрт бы их побрал.

Мир, пожалуйста, скажи, что это просто совпадение.

Пожалуйста.

Я даже готова поверить в теорию вероятности, которую вчера высмеивала.

Он скользит взглядом по кабинету — спокойно, оценивающе, методично. Не как человек, который знакомится с коллективом. А как тот, кто уже всё просчитал, разложил по полочкам и теперь просто сверяет факты с мысленными заметками.

Когда его глаза доходят до меня — пауза.

Доля секунды, которую я бы не заметила, если бы не смотрела на него в упор.

Он меня узнаёт.

Я вижу это по едва заметному движению зрачков, по микроскопическому напряжению скул.

Я — тоже.

Но выражение его лица не меняется. Ни намёка. Ни тени улыбки, ни намёка на «о, привет, соседка».

Идеальный контроль. Как всегда.

Предатель. Мало ему быть сверху в доме, он хочет и тут доминировать!

— Рад присоединиться к команде, — говорит он ровно.

Голос тот же. Низкий, спокойный, без лишних интонаций. Тот самый голос, который желал мне спокойной ночи через дверь. Тот самый, который вчера посоветовал сменить пароль на роутере.

Ах вот ты какой, уважительный.

— Моя задача — оптимизировать процессы, — продол-

жает он, обводя взглядом притихший коллектив. — И сделать так, чтобы компания зарабатывала больше, тратя разумнее.

Слово «тратя» он произносит чуть чётче. С нажимом.

И снова смотрит на меня.

Прямо.

В упор.

Я мило улыбаюсь.

Улыбкой, которая на корпоративном языке означает: «Я сейчас тебя уничтожу, но культурно, в рамках субординации».

Он, кажется, понимает.

Потому что в уголках его глаз мелькает что-то, подозрительно похожее на усмешку.

Глава 8. Проверка боем

Совещание начинается ровно в одиннадцать.

Я сижу напротив него — специально выбрала это место, чтобы видеть глаза. В моём опыте, глаза говорят больше, чем любые отчёты. Особенно когда человек пытается делать вид, что он просто выполняет работу, а не ведёт личную войну.

Он листает презентации на общем экране. Молча. Без комментариев. Только иногда делает пометки в своём идеальном блокноте — том самом, из которого, подозреваю, рождаются его записки.

Очередь доходит до меня.

Мой проект — рекламная кампания для туристического сезона. Дополненная реальность, интеграция с городскими пространствами, баннерная сетка, таргет. Два миллиона бюджета, три недели работы, команда из пяти человек. Всё просчитано, всё обосновано, всё согласовано на предыдущих этапах.

— Романовская, — произносит он.

Голос ровный. Спокойный. Убийственно спокойный.

— Да, Дмитрий Алексеевич?

— Объясните, пожалуйста, почему компания должна тратить два миллиона на баннеры, которые никто не замечает?

В комнате становится тихо.

Абсолютно.

Даже кондиционер, кажется, перестаёт жужжать.

Я чувствую, как коллеги замирают. Лена из бухгалтерии перестаёт дышать. Арт-директор Серёжа, который сидит слева от меня, вжимается в кресло, будто надеется стать невидимым. Генеральный смотрит в стол и что-то старательно рисует в ежедневнике — наверное, цветочки или план побега.

Все ждут.

Ждут, что я начну оправдываться.

Ждут, что буду краснеть, заикаться, объяснять, доказывать, умолять.

Обычно так и происходит. Кризис-менеджеры давят, креативщики прогибаются, бюджеты режутся, все расходятся по углам зализывать раны. Но он не на ту напал.

Я делаю паузу.

Смотрю на него. Прямо в глаза. Тёмные, глубокие, с этим его вечным холодком.

И спокойно, очень спокойно отвечаю:

— Потому что это не баннеры.

Он чуть приподнимает бровь.

Миллиметр. Полмиллиметра. Но я вижу. Я теперь знаю все его микро-движения.

— Правда? — в голосе появляется что-то похожее на интерес.

Я встаю, подхожу к экрану, открываю свою презентацию. Руки не дрожат. Голос не срывается. Внутри — холодная,

расчётливая злость, которая делает меня сильнее.

— Это часть воронки, — говорю я, переключая слайды. — Баннеры — только верхушка. Ниже — дополненная реальность в городских пространствах, интеграция с навигаторами, геотаргетинг, ретаргетинг на тех, кто уже интересовался регионом. Два миллиона — это не просто «покрутить картинку». Это полное погружение туриста в бренд с момента, когда он только начинает планировать поездку.

Я перехожу к следующему слайду. Графики, цифры, прогнозы. Всё красиво, всё убедительно.

— Конверсия в целевые действия прогнозируется на уровне пятнадцати процентов. Это выше среднего по рынку. Окупаемость — шесть месяцев. Дальше проект выходит в плюс и начинает приносить прибыль.

Я замолкаю и смотрю на него.

В комнате тихо. Все ждут его вердикта.

Он медленно откидывается на спинку кресла. Складывает руки на груди. Смотрит на меня так, будто я — подопытный кролик, который вдруг заговорил. И заговорил убедительно.

— Хорошо, — говорит он.

Я выдыхаю.

— Тридцать процентов снимаем, — добавляет он.

Что?

— Простите?

— Тридцать процентов бюджета, — повторяет он спокойно, будто речь идёт о чаевых в ресторане. — На недвижи-

денные расходы. Остальное утверждаю.

У меня внутри всё закипает.

Тридцать процентов — это полтора миллиона вместо двух. Это сокращение команды. Это отказ от части функционала. Это убитая идея, которую он только что своими руками добывает.

— Это убьёт проект, — говорю я, и голос всё-таки дрожит. Чуть-чуть. Но я слышу это сама.

— Значит, проект был слишком хрупким, — пожимает он плечами.

И вот здесь внутри что-то обрывается.

Я смотрю на него и вижу не начальника. Я вижу соседа сверху. Человека, который пылесосит в час ночи. Который пишет записки про дисциплину. Который вчера стоял в дверях в кашемировом свитере и почти улыбался.

И сейчас он сидит и спокойно убивает мою работу.

— Если вы хотите экономить, — говорю я, и голос звучит громче, чем планировалось, — можно начать с более очевидных расходов.

Тишина становится ещё гуще.

Он медленно поднимает взгляд от бумаг. Смотрит на меня. В упор.

— Например?

И вот здесь я делаю глубокий вдох.

Потому что сейчас будет либо победа, либо увольнение.

Но я уже не могу остановиться.

— Например, — говорю я, и мой голос звучит в тишине как выстрел, — с кризис-менеджеров, которые приходят в компанию и начинают ломать то, что ещё работает. Просто чтобы доказать свою нужность.

В комнате можно резать воздух.

Лена из бухгалтерии прикрывает рот рукой. Серёжа перестаёт дышать окончательно. Генеральный поднимает голову и смотрит на меня с ужасом и восхищением одновременно.

Я сказала это.

Вслух.

При всех.

Человеку, который теперь мой начальник.

Человеку, который живёт у меня над головой.

Человеку, с которым у меня теперь личные счёты.

Он молчит.

Секунда.

Две.

Три.

Он просто смотрит на меня. Изучает. Сканирует. Просчитывает.

В его глазах — что-то новое. Не злость. Не обида. Что-то другое, чему я не могу подобрать названия.

Четыре.

Пять.

— Продолжайте, — говорит он.

Я замираю.

Что?

— Продолжайте работать над проектом, — поясняет он.
— В рамках нового бюджета. Через месяц жду промежуточные результаты. Цифры. Не эмоции.

Он закрывает папку и переводит взгляд на следующего выступающего.

— Следующий.

Я стою у экрана и не верю. Он не злится. Не кричит. Не вызывает охрану. Он просто... перешагнул через меня как через надоевшее препятствие, как через муху, которая слишком громко жужжит. Я сажусь на место. Ноги не слушаются. В ушах шумит.

Он только что срезал мой бюджет. Публично. Унизительно. И даже не удостоил меня нормальным ответом на мою выходку. Коллеги отводят взгляды. Лена смотрит в стол. Серёжа делает вид, что очень занят своими бумагами.

Я сижу и смотрю на него.

А он спокойно слушает следующий отдел, делает пометки, кивает.

Как будто ничего не случилось.

Глава 9

Совещание заканчивается через час. Я выхожу последней — специально задержалась, делая вид, что собираю бумаги. На самом деле просто ждала, когда все уйдут.

Он остаётся в переговорной. Стоит у окна, спиной ко мне, и смотрит на улицу. Свет падает так, что чёрный силуэт кажется вырезанным из бумаги. Я делаю два шага к двери. Останавливаюсь. Разворачиваюсь.

— Вы любите порядок, да? — мой голос звенит в тишине пустой комнаты.

Он медленно поворачивается. В этом движении нет неуверенности, только расчёт.

— Предпочитаю эффективность, — отвечает он.

— Даже если ради неё нужно испортить чужую работу?

— Если работа не выдерживает пересчёта — значит, она не работа, а хобби.

Он говорит это абсолютно спокойно. Без злости, без раздражения, без тени эмоций.

И это бесит сильнее, чем если бы он кричал.

— Значит, это вы.

Он чуть прищуривается. Теперь в его взгляде появляется что-то новое — интерес? Любопытство? Осторожность?

— Простите?

— Ничего, — я улыбаюсь самой своей невинной улыбкой.

— Вы не любите шум.

Пауза.

Совсем крошечная. Та, которая длится долю секунды, но вмещает в себя целую вселенную.

— А вы не любите ограничения, — отвечает он.

И вот это уже не про бизнес. И не про музыку.

Мы смотрим друг на друга слишком долго для обычного рабочего разговора. В комнате вдруг становится очень тесно, хотя между нами не меньше пяти метров.

— Тогда нам будет интересно работать вместе, — произносит он наконец.

Работать.

Конечно.

Только работать.

— Несомненно, — киваю я. — Всегда мечтала о начальнике, который знает, как правильно пылесосить.

Его взгляд меняется. Совсем чуть-чуть — но я успеваю заметить. В уголках губ дёргается что-то, похожее на усмешку.

— Увидимся на планерке, — говорю я и выхожу, не дожидаясь ответа.

В коридоре я позволяю себе остановиться и прислониться спиной к стене.

Сердце колотится где-то в горле.

Мой сосед сверху. Человек, с которым я воюю уже неделю. Теперь он — мой начальник. Тот, кто будет резать мои

бюджеты, оценивать мои идеи и, судя по сегодняшнему со-
общению, методично сводить меня с ума.

Я делаю глубокий вдох. Потом ещё один.

Мне нужно узнать его имя. В суматохе я его не расслы-
шала.

Я захожу в отдел, подхожу к Леночке — нашей всеведу-
щей секретарше.

— Лен, а как зовут этого... нового?

Она поднимает на меня глаза и округляет их до размеров
чайных блюдец.

— Ты что, не слушала? Дмитрий Алексеевич Воронцов.
Тот самый Воронцов, из московского офиса. Говорят, он за
полгода два отдела оптимизировал до полного исчезновения.
Марина, ты как, жива?

Дмитрий.

Я иду к своему столу, так и не ответив, сажусь, открываю
ноутбук.

На экране — та самая презентация, бюджет которой он
только что сократил на тридцать процентов.

Рабочий день тянется бесконечно. Я пытаюсь работать, но
мысли разбегаются, как тараканы от света. Каждые пять ми-
нут я ловлю себя на том, что смотрю в одну точку и прокру-
чиваю в голове сцену в переговорной.

Его взгляд. Его спокойный, убийственно спокойный го-
лос. То, как он сказал: «А вы не любите ограничения».

Будто он уже всё про меня знает. Будто у него есть ка-

кой-то план.

Бред. Марина, это просто работа. Просто совпадение. Просто новый начальник, который оказался твоим соседом. Ничего личного. Только бизнес.

К шести вечера я собираю вещи и выхожу из офиса. В голове — пустота и усталость. Хочется только одного: добратся до дома, залезть под одеяло и никого не видеть.

Особенно одного конкретного человека.

Я захожу в подъезд, нажимаю кнопку лифта. Двери открываются. Кабина пуста. Я захожу, нажимаю свой этаж, приклоняюсь к стенке и закрываю глаза.

И вдруг — в последнюю секунду, когда двери уже почти закрылись, чья-то рука просовывается в щель.

Я распахиваю глаза.

Створки разъезжаются обратно. В лифт заходит человек, которого я надеялась не видеть до завтрашнего утра.

Он в том же костюме, только пиджак расстёгнут, а галстук чуть ослаблен — впервые за весь день я вижу в нём что-то человеческое. В руке — портфель из тёмной кожи. Под глазами — тени, которых утром не было.

Он поднимает взгляд, видит меня.

И на секунду — всего на секунду — в его лице мелькает что-то, похожее на растерянность.

Потом маска возвращается.

— Добрый вечер, — говорит он ровно.

Двери закрываются.

Лифт трогается.

Мы едем вверх вдвоём.

В кабине становится очень тесно. И очень тихо. Только жужжание мотора и моё собственное дыхание, которое по-чему-то отказывается подчиняться.

Я смотрю на его отражение в зеркальной двери.

Он смотрит на табло с этажами.

Четвёртый.

Пятый.

Шестой.

Седьмой.

Восьмой.

Лифт замедляется.

Мой этаж.

Двери открываются.

Я делаю шаг к выходу и вдруг слышу за спиной:

— Марина.

Я замираю.

Он назвал меня по имени. Я не представлялась. На совещании меня представляли, но он запомнил. Конечно запомнил. Он всё запоминает.

Я медленно оборачиваюсь.

Он стоит в лифте, придерживая рукой дверь, чтобы не закрылась. Смотрит прямо на меня. В его глазах — что-то новое. То, чего я не видела ни утром, ни в записках.

— По поводу бюджета, — говорит он. — Я хочу обсудить

это ещё раз. Завтра. Лично.

— В рабочее время? — мой голос звучит на удивление ровно.

Пауза.

Слишком длинная.

— Посмотрим, — отвечает он.

И в этом «посмотрим» вдруг проскальзывает что-то такое, от чего по спине бегут мурашки.

Он убирает руку. Двери лифта начинают закрываться.

Я смотрю, как створки медленно съезжаются, скрывая его лицо.

И в последнюю секунду, когда остаётся только узкая полоска, я вижу.

Он улыбается.

Глава 10. Шкаф

Иногда жизнь проверяет, насколько ты независимая женщина.

Например, когда ты почти затащила шкаф в подъезд.

Почти — это когда половина конструкции уже стоит на ступеньке, а вторая половина пытается утащить тебя обратно на улицу, как будто шкаф внезапно понял, что его хозяйка — женщина, которая принимает импульсивные решения, и решил сбежать, пока ещё не поздно.

— Давай... ещё... чуть-чуть... — пропыхтела я, упираясь плечом в коробку.

Коробка молчала, но сопротивлялась достойно.

Если честно, я до последнего была уверена, что справлюсь. В конце концов, в рекламе мне регулярно приходится продавливать людей на решения, которые они принимать не собирались. Поднять шкаф на один этаж — что может быть проще? Оказалось, примерно всё. Например, переговоры сразу с тремя клиентами одновременно.

Коробка скользнула обратно на ступеньку, и я едва не поехала следом.

— Великолепно, — пробормотала я, переводя дыхание. — Просто блестящая идея, Марина. Тащить шкаф в одиночку. Может, в следующий раз попробуешь сразу рояль?

— Вы разговариваете с мебелью?

Голос за спиной прозвучал спокойно и совершенно без сочувствия.

Я медленно обернулась.

Разумеется.

Вселенная никогда не упускает возможности посадить зрителей в первом ряду именно тогда, когда ты выглядишь максимально нелепо.

Дмитрий Воронцов стоял на лестничной площадке этажом выше, опираясь рукой на перила и наблюдая за мной с тем самым выражением лица, которое обычно появляется у него на совещаниях, когда кто-то приносит гениальную, но абсолютно провальную идею.

— Это не разговор, — сказала я, переводя дыхание. — Это переговоры.

Он перевёл взгляд на коробку.

— И как проходят?

— С переменным успехом.

Воронцов спустился на пару ступенек ниже, остановился рядом со шкафом и слегка толкнул коробку носком ботинка, словно проверяя, не оживёт ли она. На секунду мне даже показалось, что он пытается не улыбнуться.

— Вы собирались поднять это одна?

— Да.

— Это смело.

— Это называется независимость.

— Это называется ортопедическая травма.

Я выпрямилась и скрестила руки.

— Спасибо за наблюдение, но я почти справилась.

— Я вижу.

И снова этот спокойный взгляд. Человек, который явно никуда не торопится и прекрасно понимает, что ты проигрываешь.

Я снова упёрлась плечом в коробку.

— Три... два... один...

Коробка даже не шевельнулась.

Позади послышался тихий вздох.

— Отойдите.

— Я не...

— Марина.

Я замерла.

Он редко называл меня по имени. Если честно, я вообще не была уверена, что слышала это раньше. Почему-то это звучало опаснее, чем его обычное холодное «вы».

Я нехотя сделала шаг в сторону.

Воронцов взялся за край коробки, приподнял её с такой лёгкостью, будто внутри лежали не детали шкафа, а пачка рекламных буклетов, и одним движением поставил её на следующую ступеньку.

Я моргнула.

Потом ещё раз.

И решила, что, возможно, немного ненавижу его за эту демонстрацию физического превосходства.

— Это было оскорбительно для моих мышц.

Я не стала уточнять, что мои мышцы видели физическую нагрузку примерно раз в год — весной, когда вдруг становится тепло и мне приходит в голову, что я недостаточно стройная и пора бегать по вечерам. Обычно это заканчивается через две недели.

— Это было эффективно, — спокойно сказал он.

Через пару минут шкаф стоял у моей двери.

Я открыла квартиру и распахнула её шире.

— Можете оставить его здесь. Дальше я справлюсь.

Он занёс коробку внутрь и остановился.

Воронцов никогда не был у меня дома. Мы жили в одном подъезде, но это был первый раз, когда он переступил порог моей квартиры. И я вдруг поймала себя на том, что внимательно наблюдаю за его реакцией.

Квартира у меня была яркой. Не хаотичной — я ненавидела хаос — но определённо не минималистичной. Жёлтый диван, тёмно-зелёное кресло, несколько странных постеров на стенах, книжные стопки на столе и рабочий угол, который выглядел так, будто идеи там размножаются быстрее, чем я успеваю их записывать.

Воронцов медленно огляделся. Его взгляд прошёлся по дивану, по полкам, по столу, на котором лежали блокноты, ноутбук и чашка с надписью: «Я не спорю. Я объясняю, почему я права».

Он задержал на ней взгляд.

— Полезная позиция, — сказал он.

— Она экономит время.

— Кому?

— Мне.

Я фыркнула.

— Отлично. Тогда наблюдение окончено. Спасибо за доставку шкафа.

Он уже направился к двери, когда я разорвала коробку и начала вытаскивать детали.

Через минуту пол был покрыт досками, винтами и чем-то, что, по всей видимости, когда-нибудь должно было стать задней стенкой шкафа. Я вытащила инструкцию, мельком взглянула на неё и, не задумываясь, бросила на диван.

— Серьёзно? — спокойно спросил Воронцов.

Я подняла голову. Он всё ещё стоял в дверях и наблюдал за происходящим с тем же выражением лица, с которым обычно слушал презентации на совещаниях.

— Что?

— Вы выбросили инструкцию.

— Я её не выбросила. Я её... проигнорировала.

— Разница?

— Огромная. Игнорирование — это осознанный выбор.

Он несколько секунд молча наблюдал, как я прикручиваю первую панель. В его взгляде читалось явное сомнение в том, что осознанный выбор — хорошая стратегия при сборке мебели, но вслух он ничего не сказал. Я продолжила работу

с максимально уверенным видом человека, который точно знает, что делает, даже если это было не совсем правдой.

Через десять минут шкаф стоял.

Я торжественно закрыла дверцу и повернулась к нему.

— Видите? Жива. Мебель тоже.

Воронцов слегка склонил голову.

— Поздравляю.

— С чем?

— Вы собрали шкаф.

Я уже собиралась принять комплимент, когда он спокойно добавил:

— Только планка у вас всё-таки вверх ногами.

Я медленно повернулась к шкафу.

И увидела её.

Планку.

Вверх ногами.

Когда я снова посмотрела на него, он уже открывал дверь.

— Спокойной ночи, Марина.

— Вы знали.

Он остановился.

— С самого начала.

— И молчали?!

— Вы же сделали осознанный выбор игнорировать инструкцию.

Дверь закрылась.

Я посмотрела на шкаф, потом на планку, потом на ин-

струкцию, которая всё ещё лежала на диване. И вдруг поняла две вещи: во-первых, планку придётся перекручивать, а во-вторых — теперь Воронцов будет помнить об этом всю оставшуюся жизнь.

Глава 11. Сидеть рядом — это пытка

Есть вещи, к которым невозможно привыкнуть.

Например, к соседу, который ставит будильник на шесть утра и считает это нормальным временем для забегов по моему потолку. Или к кризис-менеджеру, который режет твой рекламный бюджет с таким выражением лица, будто у него личная вендетта против всего красивого и креативного в этом мире.

Но самое ужасное открытие последних дней — это когда понимаешь, что сосед и кризис-менеджер — одно лицо.

И сегодня это лицо сидело слишком близко.

Я поняла, что день не задастся, в тот самый момент, когда вошла в переговорную и увидела таблички с именами.

Они стояли на столе, аккуратные, напечатанные на принтере, и смотрели на меня с невинным видом, за которым скрывалось предательство.

«Романовская М.»

И рядом, на расстоянии вытянутой руки:

«Воронцов Д.А.»

Я уставилась на них, как приговорённый смотрит на приговор.

Это шутка?

Чья-то больная шутка?

— Проблема? — раздался за моей спиной голос.

Низкий. Спокойный. С лёгкой, едва уловимой насмешкой, которая уже успела вьестись мне в подкорку. Я медленно обернулась.

Дмитрий Воронцов стоял слишком близко.

Я бы даже сказала — неприлично близко для человека, который вчера публично уничтожил мой бюджет и сделал это с таким видом, будто подписывал документы на выгул собаки.

Слишком высокий. Слишком уверенный. Слишком... раздражающий во всех смыслах этого слова.

— Никакой проблемы, — сказала я максимально холодно, насколько позволяли приличия. — Просто интересно, это новая политика компании? Сажать сотрудников рядом с людьми, которые пытаются их профессионально уничтожить?

Он посмотрел на таблички.

Потом на меня.

Потом снова на таблички.

— Если вы называете «проверкой эффективности расходов» уничтожение, Романовская, — произнёс он всё тем же убийственно спокойным тоном, — то мне страшно представить, как вы реагируете на реальные проблемы. Наверное, вызываете полицию?

Я улыбнулась.

Очень мило.

Так мило, что у любого нормального человека побежали бы мурашки.

— А вы, видимо, считаете, что, если отрезать все бюджеты до нуля, маркетинг чудесным образом начнёт работать на силе мысли и энтузиазме?

Он слегка наклонил голову. Жест, который я уже ненавидела всем сердцем, потому что он означал, что Воронцов сейчас скажет что-то умное.

— Иногда, — ответил он спокойно, — полезно проверить, может ли идея выжить без дорогих украшений. Выживает сильнейший, Романовская. Это закон природы.

Я поставила ноутбук на стол с громким стуком.

— Иногда полезно сначала понять, как работает идея, прежде чем пытаться её «спасать» своими топорными методами.

Он не ответил.

Просто отодвинул стул.

И сел рядом.

Слишком рядом.

Я почувствовала это сразу.

Его плечо почти касалось моего плеча. Расстояние между нами было таким ничтожным, что я физически ощущала тепло, исходящее от него.

Его локоть лежал на столе — в опасной близости от моего

ноутбука.

Он даже не пытался сделать вид, что ему неудобно. Ему было удобно. И это бесило.

Но самое раздражающее во всей этой ситуации было даже не это. Самое раздражающее было то, что от него приятно пахло. Я ненавидела себя за то, что вообще это заметила. Но заметила.

Не резким одеколоном, от которого полчаса слезятся глаза и хочется открыть окно, как от половины мужчин в нашем офисе. А чем-то холодным, чистым, едва уловимым. Древесные ноты, немного морского воздуха и что-то ещё, чему я не могла подобрать названия.

Опасный запах.

Потому что от него хотелось дышать глубже.

Я резко открыла ноутбук и уставилась в экран.

Ненавижу.

Ненавижу этот запах.

Ненавижу его голос.

Ненавижу то, как он сидит рядом с этим своим невозмутимым видом, будто не развязал сегодня утром маленькую корпоративную войну.

В переговорную начали заходить коллеги.

Оля из аналитики — та самая, которая знает всё про всех и никому не скажет, но при этом каким-то чудом все узнают. Саша из продаж — вечно с кофе и вечно с историей о том, как он вчера закрыл очередную сделку. Лена из бухгалтерии,

которая смотрит на меня с выражением лица, какое бывает у людей, наблюдающих за хождением по тонкому льду.

Кто-то принёс кофе. Кто-то раскладывал бумаги.

И, конечно, Оля не могла пройти мимо.

Она остановилась рядом с нашим столом, посмотрела на таблички, потом на нас, и в её глазах загорелся тот самый огонёк, который обычно предвещает неприятности.

— О, — сказала она с придыханием. — Вы теперь рядом сидите? Как мило!

Я даже не повернулась.

— Похоже, компания решила устроить реалити-шоу, — сказала я сухо, глядя в экран. — «Офисные войны». Серия первая: маркетолог против кризис-менеджера.

— Тогда надеюсь, рейтинги будут высокими, — спокойно добавил Воронцов. — Я всегда мечтал о славе.

Я повернула голову. Он смотрел на экран своего ноутбука. Абсолютно невозмутимый.

Идеальный.

Безупречный.

Невыносимый.

Молодой и красивый. Мечта миллионов, блин!

— Вы всегда такой спокойный? — спросила я, не скрывая раздражения.

Он наконец оторвался от экрана и посмотрел на меня.

— Только когда уверен, что прав, Романовская. В остальное время я мечусь в панике и рву на себе волосы. Иногда

даже на груди. Хотите как-нибудь застать?

Я фыркнула.

— Как удобно — всегда быть уверенным в своей правоте.

— Это не удобство, — ответил он. — Это результат анализа. Вы бы попробовали.

— Я предпочитаю доверять интуиции.

— О, я знаю, — он чуть заметно улыбнулся. — Ваша интуиция — это нечто. Особенно в выборе музыки для ночных прослушиваний.

Я сжала зубы и отвернулась к экрану.

Совещание ещё не началось, а я уже была на пределе.

И вот тогда я заметила следующее. Он начал постукивать ручкой по столу. Тихо, ритмично, равномерно.

Тук.

Тук.

Тук.

Звук был едва слышным — наверное, со стороны никто бы и не обратил внимания.

Но я сидела рядом. И каждый удар отдавался где-то в затылке.

Тук.

Тук.

Тук.

Я сжала зубы. Мой стоматолог может заработать на мне миллионы после одного такого совещания.

Он что, издевается?

Тук.

Тук.

Тук.

Я медленно повернула голову.

Он смотрел в свои бумаги и делал вид, что ничего не происходит.

— Вы специально? — спросила я максимально ровным голосом.

Он поднял взгляд.

— Что именно?

— Это.

Я кивнула на ручку в его руке.

Он посмотрел на неё. Потом на меня.

— Это нервирует?

Я мило улыбнулась.

— Безумно. Каждый удар отдаётся в моём черепе и медленно убивает мои нервные клетки. Если я сегодня умру, виноваты будете вы и эта ручка.

Он секунду молчал. Смотрел на меня. И в его глазах мелькнуло что-то — опасное, весёлое, предвкушающее.

А потом...

Он снова начал постукивать.

Тук.

Тук.

Тук.

Медленнее, чем раньше.

Более выразительно.

С чувством.

Я глубоко вдохнула.

Нет.

Нет.

Нет.

Я взрослый человек. Я профессионал. Я не ударю кризис-менеджера ноутбуком посреди переговорной. Даже если он этого заслуживает.

Я не ударю кризис-менеджера ноутбуком.

Я не ударю кризис-менеджера ноутбуком.

Я не...

— Романовская.

Я подняла глаза.

Он смотрел на меня. Спокойно. Изучающе.

— Да?

— Вы так смотрите на мою ручку, будто планируете её убийство. Я бы сказал даже — мучительную казнь с отягчающими обстоятельствами.

— Я рассматриваю варианты, — честно призналась я. — Пока склоняюсь к тому, чтобы сломать её и закопать останки в цветочном горшке на подоконнике. Под покровом ночи. Без свидетелей.

Он слегка наклонил голову.

И вдруг едва заметно улыбнулся.

Это была не добрая улыбка. Не дружеская. Не та, которой

обмениваются коллеги за чашкой кофе. Это была улыбка человека, который точно знает, что вас бесит — и наслаждается каждым моментом этого бешенства.

— Дерзайте, Романовская, — сказал он. — Но имейте в виду: у меня запасная ручка. И она стучит громче.

Я отвернулась. Вот тогда я окончательно поняла. Он делает это специально. Каждое движение.

Каждое слово. Каждый, чёрт возьми, стук ручкой.

Он проверяет границы, ищет слабые места и наслаждается процессом.

Совещание началось.

Кто-то рассказывал про квартальные показатели. Кто-то показывал графики, на которые всем было плевать. Генеральный сидел во главе стола и кивал с видом человека, который уже мысленно на обеде.

Я пыталась слушать.

Правда пыталась.

Но рядом сидел он.

И каждые несколько минут я слышала его голос.

— Это неэффективно.

— Эти цифры нужно пересчитать.

— Маркетинг может работать дешевле, если пересмотреть подход.

Каждая его фраза звучала как личное оскорбление.

Он комментировал презентацию отдела продаж — и я молчала.

Он задавал вопросы бухгалтерии — и я молчала.

Но когда очередь дошла до маркетинга, я почувствовала, как внутри закипает.

— Интересно, — сказал он, когда Оля закончила рассказывать про аналитику. — А где здесь воронка конверсии?

— В следующем слайде, — ответила Оля.

— Покажите.

Оля переключила. Он посмотрел. Помолчал.

— Можно оптимизировать.

— Каким образом? — спросила Оля.

Он начал объяснять. Быстро. Чётко. По делу.

И я ненавидела себя за то, что в его словах была логика.

Он действительно разбирался в том, о чём говорил.

Это бесило ещё больше.

В какой-то момент я не выдержала.

— Воронцов.

Он повернул голову. Медленно. Плавно. Как хищник, который заметил добычу.

— Да, Романовская?

— Вы когда-нибудь пробовали не вмешиваться в проекты, которые ещё даже не разобрали?

В комнате стало тихо.

Оля замерла с открытым ртом. Саша перестал помещивать кофе. Лена из бухгалтерии посмотрела на меня с ужасом и восхищением одновременно.

Он спокойно посмотрел на меня.

— Я как раз этим и занимаюсь, Романовская. Вмешиваюсь в проекты, которые уже разобрали. Чтобы понять, можно ли сделать лучше.

— Правда?

— Правда.

— Тогда почему каждый ваш комментарий звучит так, будто вы уже решили, что всё плохо? — я говорила тихо, но в тишине переговорной каждое слово звучало как выстрел.

Он чуть наклонился ближе. Слишком близко. Я почувствовала его дыхание. И этот проклятый запах. И то, как его глаза потемнели.

— Потому что, — сказал он тихо, почти шёпотом, — хороший специалист всегда готов доказать обратное. Если вы уверены в своём проекте — докажите. Я слушаю.

Я прищурилась. Могу поклясться, мои глаза-хамелеоны, сейчас вместо зелёных — карие, как это обычно бывает, когда я крайне недовольна.

— Вы меня провоцируете?

— Нет.

Пауза.

Он смотрел на меня в упор.

И затем:

— Я вас проверяю.

Вот теперь стало интересно. Я медленно закрыла ноутбук.

— Отлично, — сказала я.

Он слегка приподнял бровь.

— Что именно?

Я улыбнулась самой вежливой улыбкой в мире.

— Тогда приготовьтесь, Воронцов.

Он смотрел на меня внимательно. В его взгляде появилось что-то новое — не насмешка, не холодный расчёт. Что-то живое.

— К чему?

Я наклонилась чуть ближе. Теперь между нами не осталось почти ничего. Сантиметры. Дыхание. Воздух, который, казалось, искрил.

— Я не люблю проигрывать, — сказала я. — Ни в работе. Ни в войне. Ни в чём.

Он молчал секунду. Две. Три. И в этот момент его взгляд изменился — стал темнее, глубже. И кажется более заинтересованным. Как будто он только что понял одну очень важную вещь. Как будто я только что сказала то, что он хотел услышать.

— Я тоже, — ответил он.

Глава 12. Коридор

Совещание закончилось так же внезапно, как начинается пожарная тревога посреди рабочего дня, когда никто не знает, где выход, а начальство уже сбегало по лестнице первым. Люди вылетали из переговорной с такой скоростью, будто Воронцов объявил не об оптимизации бюджетов, а о зачистке территории с применением тяжелой артиллерии. Воздух в комнате всё ещё вибрировал от напряжения, но стулья уже опустели, а ноутбуки исчезли в сумках быстрее, чем я успела осознать, что только что произошло.

Оля подскочила ко мне, схватила свой ноутбук и уставилась на меня глазами человека, который только что стал свидетелем публичного самосожжения на городской площади.

— Ты с ума сошла, — выдохнула она, и в её голосе слышался не столько упрёк, сколько искренний ужас за моё будущее.

— Возможно. Психиатры пока не поставили окончательный диагноз, но я работаю над этим, — пожала я плечами, стараясь выглядеть более беззаботной, чем чувствовала себя на самом деле.

— Это же Воронцов. Если верить слухам, пережил три слияния, парочку реструктуризаций и вышел из них с повышением, — прошептала она, оглядываясь на дверь, как на орудие казни.

— Я заметила. — Ответила я, с силой захлопнув крышку ноутбука. Звук получился громче, чем я планировала, и он прозвучал как точка в этом разговоре.

— Он тебя съест. Даже не прожует, — Оля покачала головой с видом опытного патологоанатома, констатирующего смерть.

— Подавится. У меня кости острые, — отрезала я, подхватывая компьютер и сумку.

Оля только вздохнула и выскользнула за дверь, оставив меня наедине с тишиной и ощущением, что я только что подписала себе приговор, но почему-то чувствую не страх, а злой азарт.

Я осталась последней.

Ну, почти последней. Судьба любит иронизировать над мной с особым цинизмом.

Когда я вышла в коридор, он встретил меня вакуумной пустотой. Офис гудел где-то в отдалении — принтеры монотонно выплёвывали бумагу, телефоны надрывались в кабинетах, и где-то даже смеялись. Нормальная жизнь продолжалась, пока я чувствовала себя так, будто только что вышла с ринга после пяти раундов с тяжеловесом.

Я сделала два шага к спасительному повороту в свой отдел.

— Романовская.

Я замерла на месте.

Конечно. Куда же без этого. Как в дешёвом триллере, где

маньяк всегда появляется в тот момент, когда героиня думает, что всё самое страшное позади.

Медленно, с внутренней дрожью, которую я надеялась не выдать, я повернулась.

Он стоял в дверях переговорной, опираясь плечом о косяк с небрежностью хищника, который никуда не спешит, потому что знает — жертва никуда не денется. Руки скрещены на груди, чёрная папка зажата под мышкой, словно продолжение его безупречного тела. Спокойный. Собранный. С абсолютным выражением лица человека, который только что не устроил публичную порку на глазах у всего отдела и даже не запыхался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.